

Шли последние дни августа. Тайга спешила сменить цвет лета и примеряла на себя осенние наряды. На вершинах гор, по утрам уже побелённых снежком, деревья стояли застывшие в величии и одетые как невесты на выданье — в жёлто-красные, бордовые, вишнёвые девственные платья. Высоко в небе, за облаками, уже раздавалось курлыкание улетающих журавлей, косяки птиц с утра уже всё чаще и чаще тянулись на юг...

В низинах же, в распадках, возле ручьёв и таёжных рек ещё было царство буйного лета и всё стояло в зелени. Но нам подходила пора собираться и возвращаться с отгонных выпасов в горах Кузнецкого Алатау на степные просторы, в долину, к реке Абакан. Мы с напарником уже который день объезжали таёжные лагеря, где находился молодняк, и оговаривали с пастухами вопросы по подготовке и прогону животных к станции Ербинская, что возле Сорска, в установленные сроки согласно утверждённому графику. В это утро, выехав спозаранку из лесного лагеря животноводов в Инее, спешили попасть к пастухам, стоящим у подножия горы Чёрная Сопка, после же вернуться на лесную дорогу и к вечеру попасть на речку Кашпар к табунщикам, которые с весны в горах пасли табун лошадей. Всё складывалось удачно. Побывав у пастухов у Чёрной Сопки, оговорив все

вопросы, к вечеру были на реке Кашпар, у подножья хребта Харагас.

Нас уже ждали... На берегу реки горел костёр. Горная река в темноте шумела, ярилась и, грохоча камнями, стремительно, не успокоившись, мчалась, вся в белых барашках, дальше, в сторону далёкого Белого Июса. Говорить приходилось громко. Похлопав друг друга по плечам, все уселись вокруг костра. Ночь полностью поглотила тайгу и горы. Всё покрыла густая темень, только большие яркие звёзды, заполнившие небосклон, висели над головами. Луна ещё не взошла. От котелка, снятого с костра, шёл одурманивающий запах таёжной похлёбки из дичи и мяса с лесными травами, а из второго котелка торчал хвост щуки. Ужин предстоял не хуже, чем в ресторане. Чай кипел в двух вёдрах. В одном — из ягод и листьев смородины, жимолости и брусники, а во втором стоял запаренный с баданом. Тайга под глухой шум реки засыпала, а байки пастухов возле костра под луной, которая едва лишь взошла, только начались.

В это время всполошились и громко залаяли в темноту собаки и, вскочив, бросились к лесу через поляну. Вскоре раздались из темноты голоса:

— Свои! Уберите собак!

Собак успокоили, и на свет костра вышли трое знакомых, но уставших егерей, которые за уздечки держали измотанных дальней поездкой лошадей. Поздоровались, встрече все были рады, тем более что уже давно друг друга не видели. Как выяснилось, они обследовали закреплённую территорию на наличие поголовья зверей, кормовой базы, ягодных мест и переходов зверей в осенний период в Горную Шорию. Посидели за разговорами далеко за полночь. Наутро они собирались выдвинуться за горный хребет Харагас к истоку таёжной реки Туралыг и далее к подножью вершины Верхний Зуб, а затем тропой, минуя таёжную речку Харагас, вернуться в Иней. Меня это очень заинтересовало, и я решил такой момент не упустить. Оставив напарника с табунщиками и договорившись о встрече с ним через три дня в Инее, утром вместе с егерями выехал верхом

на лошади, выделенной мне из табуна, в сторону Харатаса. Тропа, повиляв немного по берегу Кашпара, затерялась и исчезла в густых зарослях мелкого пихтача, черёмухи и ольхи. Далее путь лежал по отмеченным зарубкам, которые всё круче и круче заворачивали на запад.

К полудню выдвинулись к подножью тёмных и мрачных скал. Камни, обвалы и ущелья, поросшие вековыми деревьями, горные ручьи, заросшие смородинником, заполнили всё. Кусты склонились под спелыми гроздьями ягод, и куда ни бросишь взгляд — всюду была ягода: это или сизая жимолость, или тёмно-вишнёвая кислица, или чёрные ягоды смородины. Весь склон, покрытый кедрочом, был с шишкой, а под их покровом — поляны брусничника и черники. Кукши, бурундуки, белки носились, озабоченные сбором щедрых даров природы. До нас им дела не было. Возле ручьёв хорошо просматривались отпечатки следов маралов, сохатых и медведей. Растянувшись по еле заметной тропе, поднимаемся ущельем на хребет. Панорама тёмно-зелёной тайги с выделяющимися среди неё вершинами массивных гор тянется до самого горизонта. Это кругом... Мы в центре тайги и царства тысячелетних гор. Среди этого молчаливого величия с юга выделяется на горизонте вершина Верхне-го Зуба, в народе называемого Поднебесным.

Наш путь тянется к верховьям горной реки Туралыг, к рыбным озёрам в горах, где она берёт своё начало, а далее таёжной тропой через старые скалы-останцы, вдоль бушующей речки Харатас, по таёжным урманам — к речке Ас-суг, к урочищу Тамалых, а далее... мне — к животноводам в Иней, а егерям — в верховье реки Томь. Егеря записывали свои наблюдения в блокноты и маршрутные карты, а я люблю дикой, нехоженой природой и думаю, до чего же богата тайга там, где ещё не ступала нога человека.

На берегах многочисленных ручьёв всё было избито ногами косуль и маралов. Видимо, они уже начали сбиваться и собирались делать до выпадения снега свой запрограммированный ежегодный переход в Горную Шорию. Об этом рассуждали, склонившись над картой, и делились

впечатлениями мои попутчики. Более того, хотя об этом я ранее слышал от местных старожилов, да это подтвердили и сами егеря, мы вступили на территорию и владения, где заметили в горах осторожного снежного барса — ирбиса. Вот это больше всего манило и влекло меня в эти столь глухие места.

Снежный барс, или снежный леопард, дикая кошка, ирбис — это всё присущие ему названия, осторожному, ловкому, неуловимому барсу. Жизнь его напрямую связана с объектом охоты, особенно достаточным количеством копытных и птиц. Ему присущи все повадки кошки. Активность свою проявляет преимущественно в сумерки, вечером или на рассвете. Но ночь — это его стихия. Отлично лазает по деревьям, ловко, не боясь, идёт по краю бездны и пропасти. Он мало или практически незаметен, и увидеть его в природе — это просто невероятное везенье в жизни.

Мало, очень мало людей, кто его видел в природе воочию. Занесён в Красную книгу, всего их на планете шесть — семь с половиной тысяч особей, в России — сто пятьдесят — двести шестьдесят особей. В основном ирбис живёт в горах, это покоритель высочайших гор, это настоящий «хозяин гор». И когда услышал, что его видели охотники в этих горах на каменных россыпях, я просто не смог это упустить. Понимал, что шанса его увидеть у меня практически нет, но были надежда и какое-то внутреннее чувство, что я его увижу. Ночь провели у костра, и я вновь и вновь расспрашивал егерей об ирбисе.

В Хакасии их немного, в пределах десяти-пятнадцати особей, да ещё в Саянах на границе с Тувой не более двадцати особей. Находится под охраной, но браконьерами постоянно добывается из-за красивой шкуры палево-серой окраски, а зимой серовато-дымчатой, на которой видны кольцеобразные или сплошные чёрные пятна, придающие вид снежного окраса. В связи этим он практически незаметен среди скал, каменных россыпей, осенней травы и белого снега. Хвост длинный, покрытый волосками, что придаёт ему толщину. Барс не умеет рычать, по натуре игрив,

любит поваляться на спине в снегу. Устроившись на камнях на солнце, греется, прикрыв глаза. Отличный прыгун. По отношению к человеку робок и, даже будучи ранен, на человека не бросается. В холод или мороз прикрывает нос хвостом. Для малышей, котят, игра с хвостом — вообще любимое занятие. К соседству с людьми относится спокойно, он может длительное время жить бок о бок с охотниками, пастухами, и они даже не заподозрят его присутствие. Обычно свою жертву подкарауливает у тропы, ведущей к водопою, солончакам. Ирбис имеет огромное терпение, может часами сидеть или лежать в засаде, караулить добычу на скале, чтобы сделать единственный прыжок с неё. Кончики ушей закруглены, кисточки отсутствуют.

Вновь и вновь стараюсь представить его наяву, слушая внимательно егерей, но глаза от усталости слипаются, и я засыпаю...

Утром, после завтрака, снова в путь. Хорошо... Утренний прохладный воздух бодрит, а заморозок уничтожил весь гнус. Воздух чист и прозрачен, настоящий запах хвои, увядающей травы и хрустальной водяной сыростью. Тропа вьётся среди скал, каменных осыпей, в чёрном массиве многочисленных таёжных ручьев, еланей и выводит на поляну, истоптанную, изрытую, на открытое место. Всё в звериных следах и выемках — это, видимо, природный солончак. Здесь зверь солонцуется. Егеря делают пометку на карте. Справа открытое место и обрыв, на дне которого стремительно мчится поток воды. Ручей бурлит, вздымается перед валунами и, взбудораженный, с неиссякаемой энергией несётся дальше, ударяясь о следующие камни и валуны, взбугрённый, вновь кидается на них и уносится за поворот. Гул и шум ручья далеко слышны. На противоположной стороне вплотную подступают тёмные растресканные скалы с голыми вершинами и ложбинами между ними...

Решили ночлег устроить неподалёку и понаблюдать за солончаком. Ветерок тянул по ручью, в связи этим и место выбрали ниже по расположению солончака. Устроились

неплохо, под нависающей скалой. Отсюда просматривались и поляна с солончаком, и скалы на противоположном берегу, да и вся панорама сизовато-тёмно-зелёной тайги, уходящей к юго-западу, с видом на Поднебесный Зуб. В бинокль хорошо были видны камни, выступы и звериные тропы на скалах противоположного берега. Пока устраивались, на поляну из чащи выскочили несколько косуль, но тут же остановились и, словно почувствовав какую-то опасность, прыжками испуганно унеслись в чащу леса. Ближе к вечеру, на закате солнца, вышел матёрый сохатый. Постояв на краю поляны, подняв голову и, втянув воздух, обеспокоенно вернулся в заросли, где долго, поводя ушами, стоял, смотря внимательно на поляну.

Ночь подобралась незаметно, на небе высветились звёзды, резко похолодало. Прижавшись друг к другу, все заснули. Ночью, просыпаясь от зябкого холода, слышали, как недалеко на поляне что-то чавкало, сопело... то усиливалось, то затихало... это в темноте солонцевались, видимо, косули, а может, маралы.

Первые лучи солнца осветили верхушки деревьев и скалы. Тайга пробуждалась, кукши уже спозаранку орали и дрались между собой на вершинах кедров из-за шишек. Подняв бинокль, рассматриваю тайгу, вершину Поднебесного Зуба. Рядом со мною один из егерей тоже смотрит в бинокль, другие все спят, ещё рано. И вдруг чувствую, как он напрягся и дёрнул меня за руку, показывая на скалу.

— Смотри, — прошептал он.

Быстро перевожу бинокль — и в окулярах, прямо перед глазами, боком к нам, на выступе скалы стоит напряжённый палево-дымчатый с чёрными пятнами барс. Ещё мгновение — и он, собравшись, устремляется в прыжке. Видно, как он со скалы метнулся вниз. Через мгновение внизу у ручья послышались осыпи камней и мелькнули два марала. Чем закончился тот прыжок — неизвестно, место для переправы и подъёма на скалу было крайне трудным. Барс после этого на скале не появился, сколько бы мы ни смотрели и ни искали его в бинокли. Но интересно то, что за мгновение до

этого я осматривал в бинокль эту скалу и ничего там на камнях не заметил, настолько по цвету он сливался с камнями. В пределах минуты мы видели его, но в памяти, а природа подарила нам это, он остался на всю жизнь.

Егеря, оставив бинокль, посмотрел на меня. Слов не было, мы молча понимали друг друга. Мы видели то, что другие в сладком утреннем сне проспали. Мы видели чудо природы — ирбиса — живым, в прыжке, с его великолепным вытянутым хвостом. Жаль, что скала не позволила видеть тот финал, но думаю, он был удачен. Маралы шли на рассвете на солончак, не подозревая об опасности. Барс выследил их и, зная эту тропу через скалы на солончак, промахнуться не мог. Спаслись и умчались те двое, а один стал утренней добычей ирбиса. Такова природа...

Проснувшиеся егеря долго сокрушались, что не видели этого, но и радовались тому, что на их участке живёт и охотится такой редкий зверь, как снежный барс. О чём сделали отметку на карте...

Через двое суток я уже был в Инее. Тепло попрощался на привале у речки Ассуг с егерями, на прощанье они меня звали к себе на работу, говоря о том, что природа для меня не пустой звук и что я доподлинно их человек. На что я им ответил:

— Будущее покажет...

А пока мне предстояла работа по возвращению скота с отгонных выпасов, с хребтов гор Кузнецкого Алатау, к далёкому Абакану...